
Ю. К. ВОЛКОВ

ЕСТЕСТВЕННОИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» НА РАННИХ СТАДИЯХ СОЦИОГЕНЕЗА

В работах современных российских авторов, посвященных проблемам социальной динамики, теперь не часто можно встретить термин «естественноисторический». Отмеченное обстоятельство, вероятно, связано с ошибочным представлением о сугубо марксистской природе указанного понятия¹. Еще более настороженное отношение наблюдается сегодня при освещении столь востребованной в недавнем прошлом темы антропосоциогенеза².

В то же время для любого, идеологически не ангажированного исследователя очевиден тот факт, что осмысление многих универсальных проблем, относящихся к области духовной культуры, невозможно без обращения к их естественным основаниям, что, в свою очередь, требует объединенных усилий представителей научного и философского сообщества. В этом смысле проблема генезиса ценностно-нормативной оппозиции «свой – чужой» также не является исключением, поскольку опирается на естественноисторические дифференциации агрессивных и альтруистических форм поведения.

¹ На самом деле термин «естественноисторический», или «естественнонаучный», был введен в оборот в конце XIX в. Дж. Тиндалем для обозначения мировоззренческой установки, допускающей возможность объективного изучения явлений природы средствами естествознания. В марксистской философии термин «естественноисторический» применяется для указания на необходимость дополнения стихийной установки естествознания признанием объективного характера глобальной картины мира, включая ее социально-исторические формы.

² В ряду немногочисленных отечественных периодических изданий социально-философской и обществоведческой направленности, сохраняющих на протяжении второй половины 90-х гг. прошлого столетия интерес к этой ключевой мировоззренческой проблеме, можно назвать журналы «Философия и общество», «Социально-политический журнал», «Общественные науки и современность», в которых были опубликованы работы Л. Васильева, Л. Гринина, И. Гобозова, В. Зубакова, Б. Маркина, А. Назаретяна, Ю. Семенова, Ю. Солонина, Ю. Шилкова и некоторых других авторов, посвященные различным аспектам антропосоциогенеза и политогенеза.

Как представляется на первый взгляд, враждебное поведение, в противовес отношениям сотрудничества, должно принадлежать к числу асоциальных факторов, препятствующих реализации условий социогенеза. Вместе с тем реконструируемая палеобиологами, этологами и этнографами антропогенная эволюция демонстрирует паритет многочисленных потенций агрессии и альтруизма, сопровождаемых формированием соответствующих мотивационных установок.

Идею эволюционно позитивной взаимообусловленности ментальностей «мы – они» в процессе антропосоциогенеза одним из первых начал разрабатывать Б. Поршневу. Происхождение указанной антитезы Б. Поршневу связывает с дивергентными особенностями гоминидной эволюции. Первоначальное осознание себя представителем единой социальной общности, принадлежащей к роду Человек, согласно его гипотезе, возникло в результате отделения от общего генеалогического дерева предков человека новой боковой ветви. «Они» или «не-мы», то есть немые, в «группоцентристском» враждебном сознании – это существа, не обладающие человеческой речью, поскольку чужая речь не может считаться таковой³.

По мнению А. Назаретяна, развивающего гипотезу Б. Поршневу, исторически, начиная с эпохи палеолита, солидарность могла быть обеспечена лишь образом врага. Чтобы испытывать чувство защищенности, изолированному сообществу необходимо противопоставление «своего» и «чужого»⁴.

Как считает И. Андреев, отношения коллективов и людей, попадая в фокус сознания, расщеплялись по принципу обращенности вовне или внутрь группового «я». «Они» в данном аспекте выступают как противостоящий групповому сознанию объект познания, часть окружающего неизвестного мира, «мы» – как его коллективный субъект и арена взаимодействия входящих в него индивидов⁵. В свою очередь, сформировавшаяся дихотомия отношений коллективного сознания могла безболезненно включать в свой структурный изоморфизм оппозицию понятий «я – ты»⁶.

³ Поршневу, Б. Ф. Социальная психология и история. – М., 1966. – С. 83.

⁴ Человек и агрессия. «Круглый стол» ученых // Общественные науки и современность. – 1993. – № 2. – С. 99.

⁵ Андреев, И. Л. Происхождение человека и общества. – М., 1988. – С. 172.

⁶ Логическая возможность и допустимость формирования контуров индивидуального сознания помимо стадии коллективно-групповой формы противоречит результатам исследо-

Действительно, с точки зрения принципов «социологического реализма» коллектив как носитель общности складывается лишь тогда, когда на основе фактического неравенства индивидов возникают отношения некоторого формализуемого надындивидного равенства. Индикаторами такого равенства выступают конкретные вещи, люди и отношения, обозначаемые обобщенными знаками-символами. Таким образом, реальным субъектом общения становится не сам индивид, а символы представляемой им группы, связанные с половыми, возрастными, этническими и другими естественными дифференциациями. При этом главным, эмпирически наблюдаемым признаком «подставных» отношений представляемого индивидом «изолированного» видового статуса становятся обозначенные знаком эмоционально-когнитивной оценки «свой-чужой» реалии отношений сотрудничества и борьбы. Рассмотрим указанную амбивалентность поведенческих аналогий добра и зла на примерах этологических моделей трансgressирующих гоминидных сообществ.

Биологическая эволюция гоминидов, по всей видимости, носила форсированный и незавершенный характер⁷. Среди множества

вательских суммаций первобытного мышления. По мнению А. Валлона, индивидуальные представления не являются общими и абстрактными, поскольку вещи, которые они представляют, всегда индивидуальны и конкретны. Родовой является не природа самих вещей, а желания их идеальных прототипов. Эту эссенциальную способность индивидуального мышления выходить за пределы воспринимаемого мира объектов в область идеальной структуры Э. Дюркгейм считает началом всякой социальности.

Современные концепции наиболее ранних стадий антропогенеза включают в себя значительное количество гипотез, опирающихся на разрозненные данные археологии и естествознания, что делает затруднительным построение единой общей теории. После находок Дж. Коттера, Б. Брауна, Д. Брума, Г. Кенигсвальда, Г. Люиса, Л. Лики, Г. Айзена, Д. Пилбима и других антропологов в самом общем виде эти концепции выглядят как попытки согласования таксономических рангов африканских и азиатских находок древнейших антропоидов (парапитек, проплиопитек, плиопитек, сивапитек, дриопитек, рамапитек, австралопитек африканский, австралопитек бойсеи и др.). Основные схемы генеалогического древа человека, составленные У. Ле Гро Кларком, Д. Нейпьером, Л. Брейсом, Л. Лики и Б. Кэмпбеллом, основывались на материалах 50–70-х гг. XX в., но до настоящего времени сохраняют свое значение. Во всех этих схемах, кроме варианта Нейпьера, основным звеном на пути от человекообразных обезьян к гоминидам считается австралопитек, один из видов которого Л. Лики назвал человеком умелым (*Homo habilis*). Таким образом, род *Homo* включает в себя виды *Homo erectus* и *Homo sapiens* (вариант – подвиды *Homo sapiens sapiens*, *Homo sapiens Neanderthalensis* – так называемый классический неандерталец и *Homo sapiens steinheimensis* – атипичный неандерталец). Дж. Робинсон предлагает относить африканские находки габилисов к двум различным родам – роду австралопитековых и роду *Homo africanus*. Кроме того, в отечественной литературе сохраняет свое влияние некогда достаточно распространенная классификация Г. Дебеца, согласно которой род гоминидов образует два подрода. Первый подрод образован одним видом неоантропов – *Homo sapiens*. Другой подрод делится на виды архантропов и палеоантропов.

нерешенных или парадоксально решенных эволюционных задач назовем следующие этологические новообразования:

- повышенную эмоциональность и реактивность, вызванную утратой естественных средств нападения и защиты;
- переход от растительной к смешанной, а затем преимущественно мясной пище путем некрофагии и охоты;
- утрату врожденных стадно-видовых реакций по типу иерархического доминирования;
- приобретение способности к неограниченной пролонгации эструса и деторождению в течение всего года.

Перечисленные этологические инновации⁸, за исключением первого новообразования⁹, теоретически вписываются в вероятностную модель патологического поведения приматов с «синдромом Бьюси – Клювера»¹⁰. Подобные этологические зоопатологии,

⁸ Мы не рассматриваем здесь такие традиционно выделяемые новоприобретения антропогенеза, как прямохождение и переход к разделению функций верхних и нижних конечностей. Хотя с точки зрения спекулятивной метапсихологии, возможно, именно здесь скрывается один из наиболее архаичных источников антропного дуализма. Как считает, например, вслед за З. Фрейдом Г. Маркузе, благодаря прямохождению генитальные и копрофильные части тела оказались удаленными от земли и от не сублимированных органов обоняния, а уже затем были десексуализированы и деэстетизированы при помощи символов культуры (Маркузе, Г. Эрос и цивилизация – М., 2003. – С. 43).

⁹ Как показали исследования английского антрополога К. Джолли, модель положительной обратной связи, объясняющая исчезновения клыков в связи с переходом к прямохождению и использованию орудий труда, нуждается во внешней причине, которая могла бы привести ее в движение. Таким внешним фактором, по мнению антрополога, явился переход к злаковой пище, требующей крупных коренных зубов и небольших клыков при подвижной нижней челюсти. В то же время другие антропологи, в частности Ш. Уошберн, полагают, что утрата клыков не могла зависеть от диеты, но была вызвана переходом предгоминидов к новым этологическим стереотипам, предполагающим использование охотничьего оружия и орудий. По мнению разбирающего эту дилемму М. Иди, согласование позиций возможно лишь при сочетании того и другого антропогенного фактора. Причем вначале важнее, видимо, была диета, а лишь затем свою стимулирующую роль сыграли ускорение отбора, орудия и охота. Однако подобное умозрительное согласование потребует обнаружения еще одного гипотетического предка австралопитеков, который, пользуясь орудиями труда, питался бы преимущественно злаковыми растениями, что не только изменило форму его зубов, но и стимулировало развитие ловкости рук, пальцев и соответствующих участков мозга. (Иди, М. Недостоящее звено. – М., 1977. – С. 85–87).

¹⁰ Медико-биологический синдром Бьюси – Клювера (*Klwer-Busy Syndram*) обусловлен повреждением одного из трех соединенных участков мозга: миндалевидного ядра, поясной извилины или мозгового свода. Морфологическими, физиологическими и этологическими последствиями указанной деструкции для приматов становятся изменения в поясничном отделе позвоночника, огрубление хватательных функций задних конечностей и изменение наследственных стереотипов жизнедеятельности. (Андреев, И. Л. Указ. соч. – С. 33–34).

вызванные радиационным изменением структуры медиальной стороны больших полушарий головного мозга, как оказалось, потенциально способны «нарушить» стадно-иерархические пищевые и половые инстинкты приматов. Не вдаваясь далее в подробности обсуждения проблемы физиологических и этологических аномалий, связанных с мутагенными изменениями в коре головного мозга, отметим их общий адаптационный эффект.

Эволюционными последствиями «биологической недостаточности» наступления узкой инстинктивно-рефлекторной специализации могли стать независимые от наследуемых программ ситуационно стимулируемые «политипические действия». Иначе говоря, утрата биологических преимуществ рефлекторно-инстинктивного поведения могла сделать поведение предгомнидов свободным от наследуемых родовых признаков, переведя отношения сотрудничества и вражды в плоскость избирательных и ситуативных действий¹¹. Отсюда – необязательность передачи адаптивно полезных внутригрупповых альтруистических стереотипов для всех сообществ, участвующих в грегарином отборе.

Действительно, избирательно возникшее и ставшее затем типичным альтруистическое поведение должно было на первых порах сделать группу более жизнестойкой. Однако это не означало дальнейшего «автоматического» увеличения в популяции числа генов «самопожертвования».

Ссылаясь на мнение Ч. Дарвина о биологической «вредности» наследования альтруизма и заключение антрополога Д. Кэмпбелла об ограниченности репродуктивных возможностей наследования популяцией альтруистических генов, аналогичный вывод распространили на всю оппозицию «альтруизм – агрессия» исследователи генетических особенностей антиобщественного поведения Н. Дубинин, И. Карпец и В. Кудрявцев: «Ни агрессия, ни альтруизм, по их мнению, не могут быть научно обоснованы с генетических позиций»¹².

¹¹ Исследование молекулярных основ биотической эволюции человека показало парадоксально малые скорости дивергенций человека и шимпанзе по структурным генам, отделяющим их от общего предка. Это указывает на специфический тип эволюции предков человека, который был связан с преобразованием регуляторных механизмов, контролирующих действие генов, что не отражается на скоростях эволюции структурных генов.

¹² Дубинин, Н. П., Карпец, И. И., Кудрявцев, В. Н.. Генетика, поведение, ответственность: О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. – М., 1989. – С. 231.

Таким образом, в конструируемой многоэтапной антропологической ретроспективе вырисовывается следующая рабочая гипотеза. Ее суть состоит в том, что родовая общечеловеческая метапотребность в межиндивидной кооперации полностью не переводится на язык биологии. Отсюда логически следует другое гипотетическое предположение. Если биологические потенции альтруизма не могут закрепиться в наследственных признаках организма, поскольку противоречат базовому инстинкту самосохранения, то, возможно, генетически наследуемым является инстинкт реактивной агрессии, локально подавляемый абиотическим механизмом группового сотрудничества.

Может быть, поэтому агрессивное поведение, в отличие от альтруизма, не стало результатом более позднего социогенного приобретения, а, напротив, перешло в разряд асоциальных, квазиэволюлогических форм?¹³ Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к более подробному рассмотрению концепта агрессии.

Понятие агрессии в его расширительно понимаемом эволюционном значении – предмет специального интереса многих представителей социологически ориентированной антропологии, психологии и этологии.

Наибольшее число гипотез о врожденности феномена человеческой агрессии традиционно разрабатывалось в рамках медико-биологических исследований природы преступности (Ч. Ломброзо, Э. Ферри, О. Кинберг, О. Ланге, Е. Гейер, Ж. Пинатель, А. Штумпель, Ди Туллио, Р. Фунес и др.). Дополнением антропологических, генетических и эндокринологических теорий источников агрессивности явились социологические, культурологические, психологические и этологические объяснения (Г. Спенсер, Л. Гумплович, У. Самнер, М. Энгельгард, П. Сорокин, З. Фрейд, А. Адлер, Э. Фромм, К. Юнг, В. Бехтерев, Г. Моска и др.).

Еще более заметный интерес к теоретическому осмыслению феномена агрессивности, вызванный массовизацией и легитима-

¹³ Английский исследователь войн и агрессии Г. Дайер отмечает необходимость специального обучения подавляющего большинства людей убивать других людей, не отрицая при этом наличие незначительного количества «прирожденных солдат». Хотя у них на первый план также выходит не удовлетворение от убийства, а чувство мужского товарищества, боевого задора, желание преодолевать трудности и т. п. (Гидденс, Э. Социология. – М., 1999. – С. 335–336).

цией феномена жестокости, проявился в работах второй половины XX века¹⁴.

Однако, несмотря на быстрый прогресс исследований в области феноменологии агрессивного поведения, основными объясняющими концепциями фактора человеческой агрессии по-прежнему остаются: теория деструктивного влечения, теория фрустрации и теория социального моделирования. Не останавливаясь на изложении хорошо известных специалистам подробностей указанных теорий, отметим лишь возможность эвристического применения их принципиальных положений в процессе теоретической реконструкции интересующих нас аспектов антропогенной диахронии.

Согласно первой концепции, бессознательно действующие в человеке инстинктоидные агрессивные автоматизмы требуют постоянной разрядки. Не находя ее в репрессивной по отношению к инстинктам культуре, агрессивные импульсы вынужденно реализуются в разрушительном поведении.

Но мнению одного из авторов концепции «замещения потребности к агрессии» К. Лоренца, такая особенность гоминидной эволюции, как отсутствие «естественного оружия» нападения и защиты, могла привести к тому, что внутривидовая агрессивность в условиях запрета на самоуничтожение порождала подавленную агрессию. При этом этолог ссылается на свидетельства американского психиатра С. Марголина о фактах неврозов, обнаруженных им у воинственных индейцев племени юта после их поселения в резервацию. Эти массовые невротические состояния, по убеждению Лоренца, были спровоцированы чувством подавленной агрессии¹⁵.

Предположения зоопсихологов и этологов о генетически наследуемом, инстинктоидном характере человеческой агрессивности явились новым импульсом для поиска физиологических субстратов агрессии. И хотя экспериментально была выявлена зависимость

¹⁴ Начиная с середины 60-х гг. в литературе, посвященной проблеме агрессии и насилия, продолжался интенсивный поиск одного фундаментального основания. В роли объяснительных гипотез используются концепты инстинктов, танатоса, фрустрации, инструментального обучения, генетических aberrаций, гормонального фактора и т. д. В 80-е гг. возобладали плюралистическая точка зрения о неоднородности и даже метафоричности понятия агрессии, вылившаяся в требование выделения ее конкретного аспекта (Румянцева, Т. Г. Понятие агрессивности в современной зарубежной психологии // Вопросы психологии. – 1991. – № 1. – С. 83).

¹⁵ Лоренц, К. Агрессия (так называемое Зло) // Вопросы философии. – 1992. – № 3. – С. 20.

агрессивного поведения от раздражения определенных структур головного мозга, а также количества мужских половых гормонов, однако зафиксированная избирательность агрессивного поведения в сходных ситуациях, скорее, позволяет говорить об отсутствии универсального для всех индивидов генетического субстрата агрессии. Не случайно в современной психологии гипотезы об инстинктивности проявлений агрессии на индивидуальном уровне все более заменяются различными версиями теории фрустрации, которые рассматривают агрессию как следствие психологической непреодолимости внешних препятствий, возникающих на пути удовлетворения потребностей¹⁶.

С другой стороны, в целом ряде альтернативных экспериментов было установлено, что в популяции всегда имеются как агрессивно, так и альтруистически настроенные особи. При этом выяснилось, что соотношение агрессии и альтруизма может зависеть от множества номинальных характеристик внутригрупповых переменных. Отсюда же вытекала возможность замены абсолютных оценок конкретных проявлений агрессии их сравнительными социокультурными критериями. Более того, включенность насилия в культурный контекст в качестве легитимной формы социального поведения позволили с научных позиций интерпретировать идеологему массовой агрессивности¹⁷.

Указанные отличия индивидуальных и массовых проявлений агрессивности, по всей видимости, связаны с тем, что агрессия одновременно может выступать в нескольких своих «ипостасях»: как отличительная черта характера, ситуативная реакция и, наконец, стереотип группового поведения. Лишь в первом своем проявлении агрессия может быть напрямую связана с врожденными свойствами личности. В то время как в двух других аспектах агрессия – это ситуативная реакция, вызванная внешними фрустрационными причинами, превратившаяся затем в процессе обучающего повторения

¹⁶ Практическая апробация теории фрустрации, осуществленная в работах Л. Долларда и его соавторов, положила начало интенсивным экспериментальным исследованиям «фрустрационной агрессии». В частности, в серии экспериментов над животными, проводимыми А. Валенстейном, было установлено, что нарастанию агрессии способствует последовательное сокращение возможностей для удовлетворения витальных потребностей.

¹⁷ Шипунова, Т. В. Агрессия и насилие как элементы социокультурной реальности // Социологические исследования. – 2002. – № 5. – С. 67.

в устойчивый стимулируемый стереотип¹⁸. При этом индивиды, стереотипизирующие агрессивное поведение с учетом своих морфологических, функциональных и характерологических особенностей, могут быть лишены генетических потенций агрессии. В свою очередь, потенциальные агрессоры столь же эффективно могут быть обучены стереотипам альтруизма.

Следовательно, для понимания генетических особенностей феномена человеческой агрессивности не обойтись без изучения дополняющих ее альтернативных моментов, обнаруженных уже на стадии поведенческих стереотипов совместно обитающих животных. Речь идет о существовании образцов неагрессивного поведения у некоторых потенциально агрессивных животных, проживающих в составе компактной, изолированной группы¹⁹.

В результате серии полевых исследований, проводимых Ш. Уошберном, Д. Хэмбергом, К. Холлом, Д. Круком Дж. Гудолл, Дж. Шаллером, Г. Лоутером и другими этологами и палеобиологами, были обнаружены этологически сходные протосоциальные типы поведения у таких «общественных» животных, как павианы, шимпанзе, гиеновые собаки и львы. При этом обнаружилась одна интересная особенность. В среде совместно обитающих хищных животных по-разному, но в целом меньше, чем у растительноядных приматов, выражены особенности полового и пищевого доминирования²⁰. Это

¹⁸ Ссылаясь на работы М. Малер, детский аналитик Г. Перенс выделяет два феномена агрессии: агрессию как нормальную, врожденную, видимо нейроэндокринную, реакцию на доступный овладению новый предмет (ребенок начинает кусать предмет, оказавшийся в его руках) и агрессию как деструктивную, приобретенную и закрепленную реакцию на ситуацию неудовольствия и тревоги (Человек и агрессия. «Круглый стол» ученых // *Общественные науки и современность*. – 1993. – № 2. – С. 97).

¹⁹ Опыты, проводимые с крысами, показывают, что некоторые особи (в обычных условиях 2-3 из 10) реагируют на крик боли других представителей группы, вызванные ударом тока, и занимают неудобное для себя место, чтобы предотвратить эти воздействующие на других удары (Человек и агрессия. «Круглый стол» ученых // *Общественные науки и современность*. – 1993. – № 2. – С. 94).

²⁰ В противоположность указанной позиции В. Алексеев считает, что конфликты исключительно редки в поведении приматов. В приведенных им неконкретизированных примерах павианы поджидают отставших от стада, шимпанзе делятся пищей и переходят из группы в группу. Все сказанное позволяет, по мнению В. Алексеева, считать предков человека более мирными существами, чем это представляется (Алексеев, В. Становление человека: на пути к слову // *Знание – сила*. – 1983. – № 8. – С. 20). М. Иди, напротив, приводит пример зафиксированного случая, когда сородичи не кормят искалеченного павиана. А поскольку стадо павианов весь день перемещается, занятое поиском растительной пищи, боль-

значит, что внешняя экстрагрупповая направленность агрессивности может хорошо коррелироваться с таким организационным фактором внутригруппового сотрудничества, как охота.

Ссылаясь на результаты исследований поведения «общественных» животных, проведенных Дж. Шаллером, М. Иди называет целый ряд преимуществ совместного сотрудничества «профессиональных охотников», к числу которых он относит и предков человека. Важнейшими среди этих преимуществ являются: своеобразное «разделение труда», дележ добычи и малая степень доминирования в сообществах²¹.

Действительно, чтобы сотрудничать во время охоты, агрессивность стайных животных, по мнению антропологов, должна постоянно сниматься или подавляться в других формах совместной деятельности. Как полагает специалист в области древнейших антропоидов Д. Пилбим, агрессивное поведение гоминидов, вероятно, начало исчезать в результате становления брачных пар и начатков языкового общения²². Другие палеоантропологи отрицают возможность языка у австралопитеков, однако признают значение относительно постоянных брачных пар для стимулирования не агрессивных форм поведения²³. Хотя именно сфера сексуальных отношений в условиях сформировавшейся у гоминидов перманентной потребности в половом общении должна была стать потенциально конфликтогенной²⁴.

ное животное вынуждено мигрировать вместе с группой, пока окончательно не ослабеет и не погибнет. Иное дело – питающиеся мясом стайные хищники, которые имеют логово с детенышами. Искалеченная гиеновая собака, например, получала отрыгнутое мясо вместе со щенками, находящимися в логове (Иди, М. Указ. соч. – С. 109–110).

²¹ Иди, М. Указ. соч. – С. 108.

²² Там же. – С. 116.

²³ Там же. – С. 118.

²⁴ Палеоантропологи Э. Уайт и Д. Браун, напротив, считают, что постоянная способность к зачатию устранила бурную промискуитетную активность обезьян и предоставила возможность для избирательно контролируемой, протосемейной половой индивидуализации. Однако большинство специалистов отвергает возможность такого схематического противопоставления сексуального поведения человека и животных. Как отмечает И. Кон, самая общая тенденция развития человеческой сексуальности, обнаруживаемая у высших животных, – это усложнение, дифференцировка, а главное – автономизация сексуального поведения от функции репродуктивности. Отсюда вытекает растущее значение полового влечения и половых реакций, имеющих условно-знаковый, коммуникативный характер. В частности, к числу устойчивых филогенетических констант относится ассоциация мускулинно-копулятивной позы с доминантой, агрессией и вызовом противнику (Кон, И. С. Введение в сексологию. – М., 1988. – С. 78–83).

О той или иной степени родственности сладострастия и жестокости в свое время писали такие исследователи «низких» свойств человеческой природы, как де Сад, Ф. Достоевский, Л. Толстой, Ф. Ницше, В. Соловьев, Г. Мережковский, В. Розанов, Г. Егер, З. Фрейд, Ж. де Ривер, П. Реаж, нередко абсолютизируя при этом либо природные, либо метафизические стороны явлений. Классическая, хорошо фундированная неофрейдистская версия психосоциальной алголагнии²⁵ была разработана Э. Фроммом в «Анатомии человеческой деструктивности». В то же время, как свидетельствует объективный анализ метатеоретических оснований фрейдизма, принцип пансексуальности не может без упрощающей редукции дать адекватное объяснение всех этапов человеческой социализации. Решение проблемы архетипической корреляции состояний агрессии и сексуальной любви, по всей видимости, требует рассмотрения целого комплекса биологических и социально-психологических особенностей антропогенеза.

Биологически уникальное новообразование гоминидной эволюции, известное как ациклическая регулярность эструса, потенциально могло способствовать доминированию поведенческой агрессии за счет нарушения половой иерархии и репродуктивной нерегулируемости популяции. Инновационным медиатором социогенеза, замещающим биологические «издержки» потребности регулярной репродуктивности, считается атипичное с точки зрения эволюционной направленности многообразие систем брачных отношений (промискуитет²⁶, эндогамия, производственная агамия, экзогамия и пр.).

Их главным назначением, наряду с сексуальной регуляцией, становится интеграция биологически наследуемых эпизодов инверсии полового доминирования в социокультурные образцы поведения. Кроме того, на этом пути нейтрализации сексуально ориентированной агрессии постепенно формируются образцы иерархического

²⁵ Термин алголагния (algos – боль, lagneia – вождение) был предложен фон Шренком-Ноцингом для обозначения садо-мазохистского комплекса, проявляющегося вне его прямой зависимости от сексуального влечения.

²⁶ В дискуссии о существовании стадии промискуитета в ранней истории человечества более убедительной представляется точка зрения Ю. Семенова, согласно которой промискуитет означал отсутствие каких-либо внешних социально-нормативных регуляторов половых отношений, что не исключало, но даже предполагало возможность парного сожития до рождения потомства (Семенов, Ю. И. На заре человеческой истории. – М., 1989. – С. 195–196).

симбиоза. Его просоциальным последствием стало одновременное сопровождение возможности полового доминирования повышением ответственности в отношении зависимых членов группы²⁷.

Экстраполируя указанные естественнонаучные положения на интересующую нас область оппозиции ментальных структур, сформулируем следующие принципиальные обобщения, относящиеся к различным эволюционным стадиям социогенеза.

Первоначальная эпоха социогоминидной эволюции, часто называемая эпохой архантропов, по всей видимости, была представлена общностями, в которых «еще доминировала дивергентная структура, обычная для других животных мутовок»²⁸. Отсюда можно предположить, что на данной стадии антропосоциогенеза дихотомия «свой – чужой» не могла стать типичной формой поведенческих отношений, поскольку в условиях действующего промискуитета гоминидам не требовалось постоянных контактов с другими группами. Это значит, что характер конфликтов, эпизодически возникающих между группами архантропов, может быть отнесен к разряду форм ненаправленной агрессии, обеспеченной дивергенцией внутривидовых различий²⁹.

Похожие изоляционистские процессы, приведшие к продолжению расово-биологического деления, могли протекать в сообществах мигрантов-охотников вида *Homo erectus* и *Homo sapiens*³⁰. Как считает Ю. Семенов, прогрессирующее замыкание общин го-

²⁷ Наряду с указанными природой «готовыми» механизмами этологической регуляции численности антропогенная эволюция «искала» новые, не апробированные природой способы. Своеобразной альтернативой этологическим и социобиологическим концепциям о способах регуляции половых контактов у предков человека является гипотеза о «когнитивном» механизме самоподавления сексуальных влечений благодаря развитию функции воображения. Ссылаясь на теоретические обобщения Ю. Бородая, психофизиологические работы П. Жане и высказывания А. Уайтхеда, Ю. Волков и В. Поликарпов считают развитие сферы воображения главным условием вытеснения сначала эротического потенциала, а затем и формирования всего комплекса альтернативного концептуального мышления.

²⁸ Тейяр де Шарден, П. Феномен человека. – М., 1987. – С. 159.

²⁹ Находки, интерпретируемые как следы убийства, были обнаружены и в культуре архантропов. Однако при отсутствии других дополнительных данных материального характера, разбитые на мелкие кусочки черепа синантропов, скорее, позволяют предположить их происхождение причинами прагматического, а не ритуального каннибализма.

³⁰ Степень участия «оректусов» в происхождении рас является дискуссионной и опирается на гипотезы и исследования Ф. Вейденрейха и К. Куна об автономности процессов сапиентизации евроаустролоидов и монголоидов. Среди современных антропологов этой позиции придерживается Д. Айгнер.

минидов создавало объективные предпосылки для возникновения инбридинга, закрепившего морфологическую организацию палеоантропов и закрывшего путь дальнейшей сапиентизации ранних генерализированных неандертальцев³¹.

С этой точки зрения, клановый институт эндогамии, типичный для групп поздних палеоантропов, сохранив первоначальную изоляцию, мог интенсифицировать индивидуальный внутригрупповой отбор, основанный на закреплении «гена силы». Однако дальнейшая аккумуляция агрессивных потенциалов онтогенеза внутри группы при отсутствии эффективного механизма их нейтрализации или перераспределения вовне не смогла обеспечить оптимальных условий для социогregarного отбора. В этих условиях обнаруженные свидетельства возрастающей агрессии антропоидов эпохи нижнего и среднего палеолита, действительно, могли компенсироваться лишь усиливающимся абиотическим альтруизмом. Отсюда – подкрепленная этологической практикой оппозиция ментального разделения объектов агрессии и альтруизма: уничтожающая враждебность по отношению к индивидам «чужих» сообществ оборачивается солидарными устремлениями и чувством симпатии в отношении «своих».

Моногенетические, бигенетические и полигенетические гипотезы происхождения расовых различий вида *Homo sapiens* также допускают фенотипическую типизацию изоляционистских тенденций человеческих общностей³². Однако, как считает большинство антропологов, биологические различия людей различных рас в условиях генетического постоянства складывающейся популяции постепенно заменялись различиями культурных и хозяйственно-географических типов, предполагающих абиотическую зависимость и контактность. Причем основной формой первичных меж-

³¹ Семенов, Ю. И. Указ. соч. – С. 254–255.

³² Американский биолог У. Браун в 80-е гг. XX в. обосновал вероятность существования в эволюционной истории *Homo sapiens* генетического эффекта так называемого «бутылочного горлышка», при котором численность вида сокращается до размеров нескольких особей, а затем полностью восстанавливается, сохранив высокую степень генетической однородности. По его оценкам, это произошло в интервале 360–180 тыс. лет назад. Биохимики Р. Кэнн, М. Стоунинг и А. Уилсон пришли к выводу, что предковой для всего населения Земли стала группа выходцев из Африки. Миграция с этого континента группы потомков так называемой «митохондриальной Евы», начавшаяся около 100 тыс. лет назад, стала тем самым «горлышком», из которого могло «вылиться» все население Европы, Азии и Нового Света.

групповых контактов становятся стимулируемые ограничениями формирующегося института экзогамии реципрокальные³³ отношения брачного обмена³⁴.

Возможно, одним из последних примеров уничтожения биологически обособленного вида, уже обладающего элементами примитивной культуры, явилось эволюционно быстрое исчезновение неандертальцев в Западной Европе после вторжения туда «африканских» кроманьонцев³⁵.

Таким образом, этологические разновидности агрессии и альтруизма, не будучи конкретизированы мотивами совместно организованных действий, сами по себе представляют лишь одну из биологически адаптивных форм индивидуального поведения. Свой непосредственно общественный характер отношения сотрудничества и вражды приобретают лишь в результате культурно-символической интерпретации статусных признаков других социально организованных индивидов, которые начинают восприниматься как часть «своего» или «чужого» целого.

³³ Термин «реципрокальный», или «реципрокный», (от лат. *reciprocus* – взаимный) используется в структурной антропологии для обозначения отношений симметричного обмена.

³⁴ Исторически первым социокультурным воплощением принципа дифференциации групп становится дуальная родовая организация, где деление на «родственников» и «своих-чужаков» закрепляет первичный «гамный антагонизм» «своего» и «чужого». По мере расширения и укрепления дуальной организации исходная враждебность «брачных классов» становится ритуальной и переносится в сферу идеологии.

³⁵ На основании данных антропологических и биомолекулярных исследований разрабатывается гипотеза об участии неандертальцев в эволюции *Homo sapiens* на стадии существования альтернативных видов (около 100–40 тыс. лет назад). Однако затем начинается мощная экспансия неантропов. В то же время отсутствие в Африке переходных типов к человеку современного вида (родезийский человек относится к так называемой грубой, «законченной» форме неандертальцев) позволяет предположить появление чистого вида *Homo sapiens S.* в этом регионе Земли примерно 150 тыс. лет назад независимо от генотипа, адаптированного к экологии Рисса, «раннего человека разумного». Хотя на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и, возможно, даже в Восточной Европе такая эволюционная связь в свете находок переходных окаменелостей была вполне допустима.